

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ходжиева М.Х.¹, Обруева Г.Х.²

Аннотация:

В статье автор дает описание культурно маркированных фразеологизмов, которые тесно связаны с проблемами исследования человеческого сознания, восприятия мира и их средств отражения в языке. Любое речевое высказывание проходит когнитивную обработку - интерпретацию посредством идеографической информации.

Ключевые слова: фразеология, когнитивный анализ, картина мира, фразосемантика, национальная семантика, мышление, метафора.

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «в последние десятилетия центр тяжести в изучении метафор переместился из филологии, в которой превалировал анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию, сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта. В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа. Метафора тем самым укрепила связь с логикой с одной стороны, и мифологией - с другой» [1, с.5-6].

На начальном этапе развития когнитологии как самостоятельной лингвистической дисциплины А. Вежбицкая и ее последователи стремились подчеркнуть именно эту самостоятельность, выделить (если не отделить) когнитологию и из традиционной семасиологии, и из традиционной лексикологии и фразеологии. Подчеркивая семантическую компликативность когнитологии и дву- или даже триединство концепта как абсорбатора культурологической информации, национальной и языковой маркированности, когнитологи многоканально отстаивали право на инновативность своей .

И действительно: когнитология, которой лингвисты интенсивно занимаются уже более 20 лет, стала достаточно полезным этапом нашей лингвистики. Полезность этого этапа заключается, несомненно, в том, что когнитивисты самого разного толка (в смысле различных толкований термина концепт), вновь повернули современную лингвистику к древней, как языковедческий мир, проблеме взаимосвязи и взаимодействия языка и окружающей действительности, языка и культуры.

Не случайно уже на самом раннем этапе развития когнитологии некоторые лингвисты, весьма прямолинейно предупреждали о такой опасности и констатировали, что декларируемая А. Вежбицкой и ее последователями инновативность поисков языковой картины мира не нова. Так, петербургский теоретик общего языкознания профессор Вадим Борисович Касевич в статье «О когнитивной лингвистике» весьма аргументировано доказывал, что о когнитивной теории как отдельной и особой науке говорить проблематично, ибо изначально языкознание было связано с теорией и практикой познания и без семантики не существовало [3, с.75].

Лингвисты остановились на трех дисциплинах, взаимодействие с которыми, как кажется, может стать для нашей когнитологии целительным: культурология, историческая фразеология и сопоставительная (resp. конфронтативная) лингвистика.

Разумеется, данные всех этих дисциплин так или иначе, во всяком случае, некоторыми когнитивистами, пускались в оборот при когнитивном анализе фразеологии. Однако, привлечение таких данных, как правило, оказывалось спорадическим, противоречивым и поверхностным [4].

Обычно факты, добытые культурологами, этимологами и конфронтологами, берутся в когнитологии без аргументации их достоверности, неразборчиво – в угоду того или иного теоретического постулата, выдвинутого конкретным автором. Это – в лучшем случае, в худшем же (и, к сожалению, отнюдь не редком) вся эта междисциплинарная триада просто-напросто игнорируется.

¹ *Ходжиева М.Х., кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотим Улугзода, Республика Таджикистан, Душанбе*

² *Обруева Г.Х., кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка Самаркандского государственного института иностранных языков, Узбекистан*

Известно, что пробным камнем достижений лексикологии и фразеологии являются словари. В лексикографическом преломлении наиболее ярко проявляются достоинства и недостатки той или иной отрасли лингвистики.

В этом смысле «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телия (БСФРЯ, 2006) и «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых (2008) – достойный полигон, на котором когнитологи и начали недавно испытывать взаимодействие когнитологии с другими, смежными дисциплинами [4].

В этих словарях представлено взаимодействие интересующей нас междисциплинарной триады. Нельзя отрицать, что составители двух названных словарей достаточно внимательны к диахроническому фону описываемой ими с когнитивистских позиций фразеологии. Такой фон, собственно, и является своеобразным лингвокультурологическим «трамплином» для развертывания различного рода концептных информации, предлагаемых читателю.

Бросаются в глаза разночтения в выборе этимологических версий: если в словаре под редакцией В. Н. Телия обнаруживается тенденция при двух и нескольких интерпретациях внутренней формы ФЕ излагать их, подчеркивая затем предпочтительность и аргументированность наиболее убедительной из них, то Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых избирают обычно «однолинейную» позицию, стремясь кодифицировать то или иное историко-этимологическое толкование как единственное. Типичный пример – интерпретация фразеологизма точить лясы.

Отмечая, что это выражение возникло, видимо, гораздо раньше XVIII в. и потому является древнерусским, авторы словаря принимают нашу историко-этимологическую расшифровку [5, с.356-359], в соответствии с которой оно восходит к общеславянскому корню и его диалектным глагольным лексемам лясить и лясничать «рассказывать о былом и небылицах», «балагурить», «льстить», «говорить пустяки». При этом авторы недвусмысленно подчеркивают, что вторая версия «менее убедительна, т. к. связь фразеологизма с балясы, балясины резной или точеный столбик, укр. баляси перила вторична, она вызвана народно-этимологическими ассоциациями.

Таким образом, культурный смысл фразеологизма следует охарактеризовать с опорой на первую этимологию. Образ фразеологизма воспринимается на фоне традиционно отрицательного отношения к болтливости, отчего фразеологизм в целом играет роль стереотипного представления о болтовне, пустословии» [6, с.698].

В словаре Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых о первой, собственно лингвистической версии, ничего не сообщается, зато толкование В. В. Виноградова популярно излагается с яркими культурологическими подробностями: «На Волге издавна славились семеновские балясины. Из осиновых плах выделывали они фигурные балясины для украшения перил, балконных поручней, оконных рам, оград. Работа эта считалась сравнительно легкой и несерьезной: вытачивать столбики, резать из них безделушки, головки зверей, петушков, вазы, кувшинчики – это не дом поставить. Балясины украшали затейливой резьбой, фантастическими змеями и драконами волжские суда.

Постепенно этот промысел исчез, но память о балясниках осталась в живой речи. Веселыми были они говорунками: точили балясы (или лясы) и пели, вели бойкий, шутливый разговор. Отсюда и пошло выражение точить лясы». Благодаря художественности такого описания народно-этимологическое толкование оборота приобретает, по словам составителей, статус «обыденной лингвокультуры».

«Образ фразеологизма создается метафорой, уподобляющей внешне активное, энергичное, но безрезультатное, бессмысленное занятие безделью» [6].

Еще определеннее этот когнитивный код очерчивается в словаре Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых. Отвергая не только прозрачные ассоциации, вытекающие из значения компонентов этого фразеологизма, но и этимологическую привязку к немецкому по происхождению слову лодырь, составители заостряют внимание читателя на яркой (как обычно бывает с народно-этимологическими легендами) истории, якобы ставшей сюжетом нашего выражения: «Выражение на слуху и кажется достаточно прозрачным по своему значению. Его смысловым стержнем является имя существительное лодырь. Оно только на первый взгляд кажется исконно русским. А на самом деле – заимствованное из немецкого. Немцы, муштровавшие русских подмастерьев или управлявшие помещичьими именными (русские помещики очень ценили немецкую дисциплину и порядок).

В старых немецких говорах лоддэр (современное – lotter) значило «бездельник». Такое объяснение было бы убедительным, если бы не вопрос: почему такая странная сочетаемость слов, ведь гонять никак не ассоциируется с бездельем. Наоборот, гонять – значит заставлять что-либо делать!

Анализ двух фразеологических словарей когнитивного типа, созданных ведущими специалистами этого лингвистического направления, убедительно демонстрирует необходимость более тесного

взаимодействия когнитологии с культурологией, исторической фразеологией и сопоставительной лингвистикой. Чем глубже и более доказуемо диахронисты, будут погружаться во внутреннюю форму исследуемого нами фразеологизма, тем более объективны будут его когнитивные интерпретации и лексикографическое описание.

Список использованной литературы:

- [1]. Анисимова Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы. "Филологические науки", 1988, №6.
- [2]. Алефиренко Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц /Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. М.: Мин образования РФ (и др.), 2000. - 220с.
- [3]. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992. – 330 с.
- [4]. Мокиенко, В. М., Николаева, Е. К. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира / В. М. Мокиенко, Е. К. Николаева // *Rossica Olomucensia XL. — Olomouc, 2002. — С. 17–34.*
- [5]. Большой энциклопедический словарь. / Гл.ред. В.Н. Ярцева. 2-ое изд.М.: Большая Российская энциклопедия.-1998.- 685 с.
- [6]. Большой фразеологический словарь русского языка. – Волгоград: Перемена, 2006. – 800с.